

Инга Милевич (Inga Milevich)

 <https://orcid.org/0000-0002-4948-8655>

Колледж Альберта

LV-1010, Riga, Latvia, Skolas 21

inga.milevica@gmail.com

КЛАССИФИКАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ И НАИВНЫЙ МЕТОД: РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

Classifications of Translation Strategies in Scientific Articles and the Naive Method: Results of a Quasi-Experiment

Резюме

Целью настоящей статьи является определение понятия «наивный метод», которое до сих пор не было введено в активное использование. Наивный метод можно определить как метод исследования, применяемый в наивном языкознании и/или зомби-науке, поскольку его характеризует легкость применения и простота интерпретации результатов его применения. В качестве основы для наивного метода исследования стратегий перевода могут быть выбраны те классификации, применение которых, с одной стороны, наиболее легко и не трудоемко и которые, с другой стороны, принадлежат определенным авторам, создают необходимый автору научной статьи образ полноценного научного исследования с корректно использованной литературой и репрезентативными результатами.

В качестве материала исследования использовалась одна из классификаций стратегий перевода, разработанная Е.Е. Davies. Методом исследования является квазиэксперимент. Гипотеза квазиэксперимента: если подростки, находящиеся на спектре не-лингвисты – лингвисты наиболее близко к левому полюсу, будут способны повторить результаты научных статей, в которых используется такая же классификация стратегий перевода, то тогда метод научного исследования таких научных статей можно назвать наивным. В результате участники квазиэксперимента указали до 76–79% одинаковых приемов («стратегий»), что частично подтверждает гипотезу исследования.

Проведенное исследование актуализировало вопрос о методах научного исследования, использованных теоретических источниках, особенно – о выбранных для выполнения исследовательской задачи классификаций. Исследование в очередной раз показало, что признаки

зомби-науки и наивного метода констатируются в научных статьях, посвященных «стратегиям перевода».

Ключевые слова: стратегия перевода, наивный метод исследования, классификации стратегий перевода.

Summary

The aim of this article is to explore the concept of the “naive method”, a term not yet widely adopted in academic discourse. The naive method can be defined as a research approach utilized in naive linguistics or “zombie science”, characterized by its simplicity in application and interpretation of results. This study proposes that classifications which are both easy to use and appear methodologically rigorous can serve as the foundation for a naive method in researching translation strategies. Such classifications not only simplify research processes but also create an impression of scholarly rigor by referencing established literature and presenting representative results.

The research draws on E.E. Davies’s classification of translation strategies as its primary material. A quasi-experimental approach was employed, hypothesizing that if adolescents on the “non-linguist-linguist” spectrum – particularly those closer to the non-linguist end – can replicate the findings of scholarly articles using the same classification, then the research method in such articles can be considered naive. Results from the quasi-experiment revealed that participants identified 76–79% of the same strategies (“techniques”), partially supporting the hypothesis.

This study highlights issues surrounding research methodologies, particularly the theoretical sources and classifications used in translation strategy studies. It also underscores that elements of “zombie science” and naive methods can be observed in articles focused on translation strategies.

Keywords: translation strategy, naive research method, classification of translation strategies.

В научных статьях ситуацию вокруг понятия *стратегии перевода* весьма точно характеризуют слова *терминологический беспорядок* (Ėstermens, 2019) – на данный момент описаны некоторые особенности использования этого понятия, которые связаны не только с проблемой определения *стратегии перевода* в широком и узком его понимании.

Среди важных особенностей использования, на наш взгляд, необходимо актуализировать следующие: понятие *стратегии перевода* в научных статьях может вовсе не определяться, однако активно использоваться в сильных позициях научного текста – позициях самопрезентации (название научной статьи, аннотация, ключевые слова). Кроме того, в научных статьях с такой особенностью использования понятия регулярно не называется и метод исследования и/или цель исследования. Еще одна важная черта в научных статьях, посвященных стратегиям перевода: в них практически нет определений стратегий, сформулированных целей и методов исследования, часто используется определенный тип типологий стратегий перевода. Обычно в их основе лежат бинарные конструкции, например, вольный и буквальный перевод или простейшие логические операции (например, стратегиями

перевода называют добавление элемента, вырезку элемента, замену и трансформацию) (Milevica, 2020a; Милевич, 2020b; Милевич, 2021).

По поводу первого типа типологии – стратегия вольного перевода и стратегия буквального перевода – уже образовалась основательная база критической литературы, в которой формулируются важные теоретические и практические вопросы. Действительно, насколько целесообразно использовать описанные в 1813 году два вида перевода, и спустя двести лет использовать их в качестве обозначения стратегий перевода в современном переводном тексте? Особенно принимая во внимание то, что во второй половине XX века сформировалась и закрепились мысль о том, что это не единственно возможные стратегии (Sandoval, 2014). Несколько десятилетий звучат и призывы пересмотреть целесообразность использования этой оппозиции в переводе (*the concepts of free and literal translation are questionable and need to be reexamined*) (Barbe, 1996). Кроме того, существует гипотеза, которую наиболее концептуально сформулировал Andrew Chesterman, в соответствии с которой буквальный и свободный перевод сосуществуют: «Переводчики, обрабатывая данный фрагмент текста, как правило, начинают с буквальной версии текста на целевом языке, а затем работают над более свободной версией» (Chesterman, 2011, 23). Использование бинарной оппозиции *буквальный/вольный перевод* в качестве типологии стратегий перевода, помимо указанных замечаний, вызывает и замечание, которое прозвучало по иному поводу, а именно, по поводу оппозиции лингвисты против не-лингвистов (Paveau, 2011). Как и во многих других областях знаний, в рамках гуманитарных наук бинарная картезианская мысль приводит к тупику идеализма (*leads to the dead-end of idealism*). Оппозиция буквального и вольного перевода, предположительно, во многом остается не по причине ее научной актуальности и обоснованности, целесообразности и результативности применения, а по причине ее не всегда обоснованной логикой и дизайном исследования простоты применения со стороны исследователя.

По поводу же второго типа типологий – стратегии добавления элемента, вырезки элемента, замены и трансформации существует огромное количество научных статей, которые применяют подобную типологию для своего исследования с большим или меньшим обоснованием этого выбора. Вряд ли возможно упомянуть или обобщить все эти исследования, но непременно стоит упомянуть те, которые посвящены анализу использованных терминов и терминологического беспорядка.

Сложности с этим термином, его использованием отражены как в энциклопедиях (Sun, 2013), так и в монографических исследованиях (Gambier, 2010). Особенно необходимо выделить раздел книги, написанный Yve Gambier, в котором автор, отмечая то, что это «один из самых неоднозначных терминов», указывает, что он конкурирует с дюжиной других терминов (*procedures, techniques, operations, changes, shifts, methods, replacements*) (Gambier, 2010,

412). И вопрос, который задает автор далее, до сих пор остается не до конца проясненным: «Имеем ли мы дело с уникальной концепцией, стоящей за этими разными именами, или с разными концепциями, выраженными терминами, предлагаемыми как почти синонимы?» (Gambier, 2010, 412). Исследователи продолжают искать объяснения в использовании этого термина в его значениях и значениях близких терминов (Jääskeläinen, 2009), а также и в различии подходов исследователей (Owji, 2013). И симптоматично, что эти разнообразные подходы все еще актуальны, соответственно, в исследовательском поле все еще нет единого понимания (Khudayberganova, 2021).

Практически никогда в этом аспекте не рассматривается вопрос о том, что на выбор типологии влияют факторы самопрезентации автора научной статьи (не влияние направления и не влияние школы исследователя), а также легкость ее применения, что с одной стороны, заставляет критически воспринимать результаты таких исследований, их актуальность и целесообразность, с другой – позволяет формулировать выбранную типологию посредством понятия *наивный метод* исследования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие *наивный метод* до сих пор не было введено в активное использование, поэтому одной из задач этого исследования является его обоснование в контексте филологических наук (в частности, для сопоставительного языкознания и переводоведения). Для описания действий, производимых в *зомби-науке*, наивном языкознании и переводоведении целесообразным кажется обозначить *наивный метод*, который можно определить как метод исследования, применяемый в наивном языкознании и/или *зомби-науке*, поскольку его характеризует легкость применения и простота интерпретации результатов его применения. Таким легким в применении методом может явиться наблюдение, однако именно его исследователи не называют/или не используют, но прибегают, например, к элементам статистического анализа. Применение его и простая интерпретация формально позволяют создать статистически подкрепленные причинно-следственные связи или их подобие, которые, к примеру, при помощи наблюдения не могут быть установлены (наблюдением могут быть установлены корреляции или тенденции). Такие статистические подкрепления могут создаваться на небольшом материале, например, нескольких десятках названий художественных фильмов, отражаться в соответствующих таблицах или процентных обозначениях, что создает образ полноценного исследования, в отличие от результатов наблюдения. И такому наивному методу вполне соответствует то, что не всегда корректно называется классификациями стратегий перевода.

В исследованиях о стратегиях перевода нередко используется классификация (наиболее часто указаны авторы – E.E. Davies, T. Tomaszewicz, I. Pederse), в основе которой лежат простейшие логические операции: добавление элемента (insertion), вырезка элемента (deletion), замена элемента (substitution), трансформация (transposition). Эти операции известны в компьютерной лингвистике как элементы концепции редактирования дистанции (edit distance). Вырезка (deletion), замена (substitution), добавление (insertion) – это так называемые операции для определения дистанции Хеминга (Hamming distance) и Левенштейна/ Левенштейна-Дамерау (Levenshtein/ Damerau-Levenshtein distance), иногда появляется четвертая операция – транспозиция transposition, например, для дистанции редактирования Джаро (Jaro distance).

Если допустить, что авторы научных статей, не желая по каким-либо причинам выполнять исследование в полном объеме, с четко определенными целями и задачами, с соответствующими методами анализа, оставаясь в зоне комфорта, создают статью, у которой появляются риски быть охарактеризованной представительницей зомби-науки, то наиболее вероятно, что помимо комфортного материала исследования будет выбран и наивный метод исследования.

И в качестве основы для наивного метода исследования стратегий перевода могут быть выбраны те классификации, применение которых, с одной стороны, наиболее легко и не трудоемко и которые, с другой стороны, принадлежат определенным авторам, создают необходимый автору научной статьи образ полноценного научного исследования с корректно использованной литературой и репрезентативными результатами. Еще Р. Барт писал, что ничто так не ободряет, как классификация. Классификация наивного толка создает именно такое ободренное нужное представление о научной легитимности метода исследования. Однако именно оно зачастую не соответствует критериям надежности научного исследования, как-то: критериям истинности (truth-value), применимости (applicability), последовательности (consistency), нейтралитета (neutrality) (Ievads pētniecībā, 2011, 12). Соответственно, не мотивированный логикой исследования выбор классификации стратегий перевода, использование которой ограничено легкостью применения, не гарантирует истинность и применимость в будущем ее результатов (особенно в ситуации, когда отбор материала свободный или без четких принципов отбора). Типичный пример – научная статья, в которой не формулируется стратегия перевода, к небольшому и не всегда обоснованному материалу названий художественных фильмов и их переводов применяется одна из классификаций стратегий перевода, представляющая по сути простейшую логическую операцию. Таким образом, формально реализуясь в научном дискурсе (например, сборник научных трудов), зачастую такая научная статья, с одной стороны, будет обладать признаками

зомби-науки и с другой стороны, принадлежать к дискурсу наивного языкознания и переводоведения.

О том, каковы признаки зомби-статьи (заодно и о том, что такое зомби-наука), а также признаки статьи с использованием наивных методов исследования автор уже писала (Milevica, 2024).

Главными признаками зомби-науки в статье становятся следующие: в ней нет реального вопроса исследования, есть условно правильная методология, но с ее помощью нет стремления внести вклад в углубление знаний, но есть стремление опубликовать статью. Статья может быть не только опубликована, но и рецензирована, статью даже кто-то может цитировать. Поэтому при анализе текста статьи, претендующей на статус зомби-статьи, необходимо уделить внимание формулировкам актуальности методов исследования, использованным классификациям, которые применяются и с какой целью (Milevica, 2024).

Статьи с использованием наивных методов исследования автор обозначила.

Научные статьи, которые умышленно не направлены на поддержание дискредитированной теории, но которые в силу особенностей ее создания (быстрота и поверхностность написания, легкость использования метода исследования, материал исследования из максимальной зоны комфорта) не отвечают на актуальные вопросы, также как и зомби-статьи не вносят вклад в свою отрасль науки. Соответственно, признаками и показателями такой статьи выходного дня могут стать реализации «закона сохранения сложности», расплывчатые формулировки (или их отсутствие) актуальности исследования, самые общие формулировки цели и методов исследования, реализация в тексте статьи самопрезентации (Milevica, 2024).

В этом контексте необходимо обратиться к наивному языкознанию, чтобы четко определить место и особенности наивного метода. Ученые нередко обращали внимание на то, что «различия между народными и научными теориями языка варьируются от драматических в одних случаях, до несущественных – в других» (Preston, 1993, 181). И область языкознания, исследующая эти народные теории, сегодня называется наивным фолк-языкознанием (используются и такие обозначения, как *profane*, *spontaneous*, *wild*, *lay*). Исследования о наивном языкознании, особенно (Albury, 2014; Paveau, 2011; Preston, 1993; Heyd, 2014) свидетельствуют, что наивную картину мира выражают субъекты, которые рассматриваются при помощи не оппозиции, но спектра «лингвисты – не-лингвисты» (последнее обозначение в широкий оборот ввел представитель Университета Оклахомы *Dennis R. Preston*), т.е. убеждения. Взгляды наивного толка о переводоведении, его методах выражают и представители научного сообщества, обычно не принадлежащие сообществу переводоведения. Таким образом, лингвисты, исследующие стратегии перевода в стиле зомби-науки, могут принадлежать спектру, представляю-

щему собой наивную картину переводоведения. В этом случае можно предположить, что использованные методы и классификации также принадлежат наивному переводоведению.

Термин *folk linguistics* появился благодаря работе (Hoenigswald, 1964), и в самом общем виде он обозначает «изучение того, как люди понимают и что говорят о лингвистике как отрасли народной науки (branch of folk science)» (Albury, 2014, 86). Одной из наиболее полных монографий по материалам наивного языкознания в США, обобщивших результаты первых десятилетий исследований, является монография Preston (Niedzielsky, Preston, 2000). Данные и результаты исследований представляют важный материал, причем не только с позиций прескриптивизма, характерного для наивного языкознания:

Народная лингвистика имеет свою собственную ценность (практическую и репрезентативную ценность), и поэтому академические лингвисты должны рассматривать ее как резервуар данных, которые ни один профессиональный лингвист не сможет собрать, используя «научные» (академические) методы (Paveau, 2011, 49).

Уже в работах 2000-х годов D.R. Preston обращает внимание на то, что дуализм «мы/ они» не продуктивен (Niedzielsky, Preston, 2000, 1). Однако этот аспект наиболее полно представлен в работах М.А. Paveau (особенно Paveau, 2011). Закономерно, что исследования наивной лингвистики начались с начала спектра (т.е. с не-лингвистов), а не с лингвистов. Причем важным моментом является то, что нахождение на этом спектре не статично, т.е. важным является понятие коммуникативной роли.

Быть не-лингвистом – это не постоянное состояние, а деятельность, которую могут практиковать в определенный момент времени и в определенном месте даже сами лингвисты. В этом смысле существует нелингвистическая позиция, которую всегда можно обменять на другую позицию (Paveau, 2011, 40).

М.А. Paveau предлагает рассматривать не оппозицию лингвисты – не-лингвисты, а два полюса одного спектра, на котором располагается множество групп, которые могут передвигаться из одной в другую. Например, профессиональные лингвисты, предоставляющие лингвистические описания, ученые-не-лингвисты (например, лингвисты-историки или лингвисты-социологи), академические лингвисты-любители, предоставляющие описания и рекомендации, логофилы, глоссоманы и другие языковые фанатики, корректоры и редакторы, эксперты телевизионных шоу, писатели и эссеисты, людое-лингвисты (комики, импрессионисты, пародисты, юмористы, актеры) и др. (Paveau, 2011). В этом смысле важным является коммуникативная ситуация и намерение, коммуникативная роль и/ или маска говорящего.

Кроме того, вместе с понятием коммуникативной роли важно и понятие коммуникативного намерения, с которым тесно связано понятие *спонтанной лингвистики* (Paveau, 2011, 3–4). Металингвистические комментарии могут стать объектом отдельного исследования (место псевдо-наук, насколько наивные теории правдивы и/или неправдивы, а также востребованность их в обществе), в котором важно было бы проследить их как инструмент психологического и социального описания (Paveau, 2011, 3–4).

Важнейшей целью многих исследователей фолк-лингвистики является не только критически или негативно ее оценить, но и вобрать ценный и потенциально богатый материал, который можно использовать в учебных целях.

Мы надеемся, что это тот тип народной лингвистики, который вооружит практиков во многих областях прикладной лингвистики информацией, которая облегчит их задачу, поскольку они будут знать убеждения и взгляды своих клиентов, убеждения, которые, несмотря на отсутствие экспертных знаний, очень сильно удерживаются (Pasquale, Preston, 2013, 174).

Исследования наивного языкознания тесно связаны с явлением массового прескриптивизма XXI века (*twenty first-century grassroots prescriptivism*), о чем, в частности, Т. Нейд пишет:

Ключевой особенностью современного лингвистического нормативизма, по-видимому, является то, что он не только побуждается устоявшимися механизмами «сверху вниз» – такими как институциональная, правительственная или журналистская разработка языковой политики и идеологии, – но также опирается на «восходящие» формы стимулирования и поддержания языковых идеологий. Такой массовый прескриптивизм происходит на уровне отдельных пользователей языка и/или сообществ практиков; он включает в себя сложные социо-прагматические механизмы, такие как языковой контроль и санкции, регистрация и лингвистический контроль (Heyd, 2014, 489).

Следовательно, наивные методы исследования, используемые лингвистами для анализа переводческих проблем, вполне могут обладать чертами наивной лингвистики, таким образом, и часть лингвистов в определенной ситуации и определенной роли (в нашем случае – при написании научной статьи) могут реализовывать наивную лингвистику.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для обоснования основного утверждения данного исследования необходимо показать, что метод исследования лингвиста обладает чертами наивного метода, простого в использовании, не обоснованного целью или дизайном, который не получил должного обоснования ранее. Как раз использование

классификаций стратегий перевода отвечают таким показателям – они просты (и их простоту сами авторы статей иногда эксплицитно обозначают), авторы статей не обосновывают их выбор и актуальность.

Методом исследования является квазиэксперимент. В отличие от эксперимента, в квазиэксперименте не задействована контрольная группа, только экспериментальная (Ievads pētniecībā, 2011, 55, 57). Гипотеза квазиэксперимента заключалась в том, что если подростки, находящиеся на спектре не-лингвисты – лингвисты наиболее близки к не-лингвистам, т.е. без специального филологического образования, кроме того, ограниченные временем и мотивацией, будут способны повторить результаты научных статей, в которых используется такая же классификация стратегий перевода, то тогда метод научного исследования подобных научных статей можно назвать наивным.

Для участия в эксперименте были приглашены 17 подростков в возрасте от 15 до 17 лет, владеющих русским, латышским и английским языками. Из 17 бюллетеней недействительными признаны 2, соответственно анализу подвергались 15 бюллетеней. Бюллетени заполнялись в одной группе, перед заполнением участникам квази-эксперимента разъяснялась сущность эксперимента, время заполнения (до одного часа). Участникам было разрешено использовать любые доступные дополнительные материалы (словари, интернет-источники и др.). Перед заполнением участники были ознакомлены с понятием *стратегии перевода*, а также были ознакомлены с одной из классификаций стратегий перевода.

В течение 30–40 минут все бюллетени были заполнены. В бюллетенях были представлены 25 названий художественных фильмов на языке оригинала, затем были указаны переводы этих названий на латышский и русский языки (см. прил. 1.). Около каждого переведенного названия художественного фильма участникам квази-эксперимента предлагалось указать номер от 1 до 5 *стратегии перевода* из классификации E.E. Davies (Davies, 2003). Названия художественных фильмов были выбраны в соответствии с различными видами стратегий перевода. Не предлагались названия художественных фильмов, содержащих специальную или профессиональную терминологию, а также содержащих чувствительные темы (смерть, болезни, секс, убийства и др.).

Классификация стратегий перевода (Davies, 2003) выбрана в качестве источника для квази-эксперимента в результате следующего отбора. С 1991 по 2020 гг. из опубликованных в государственных институтах высшего образования Латвии сборников научных статей по материалам конференций, полностью или секционно посвященных вопросам языка, отбирались статьи, посвященные аудиовизуальному переводу и/или стратегиям перевода. Таких оказалось пять (не представлены в списке использованной литературы):

1. Статья латвийского исследователя об аудиовизуальном переводе (на латышском языке, переведена на английский): Sīlis, J. (2006). *Filmu tulkošana: oriģinālteksta atveides problēmas mērķvalodā*, Vārds un tā pētīšanas aspekti, 10, 345–

352. В статье использован источник: Chesterman, A. (1999). *Translation Typology*, The Second Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation, 2, 49–62.

2. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2013). *Use of Translation Strategies in Lithuanian Translation of National Geographic: Analysis of the Effect on Target Readers Understanding of Translated Text*, Valoda – 2013: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 23, 103–107. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и классификация из статьи Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose? The Translator: Studies in Intercultural Communication*, 9 (I), 65–100, в которой стратегиями называются приемы/ техники, в основе которых лежат элементарные логические операции preservation, addition, omission, localization, transformation.

3. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2014). *Analysis of Strategic Choices in Lithuanian Translations of “National Geographic” Headlines*, Valoda – 2014: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 24, 100–113. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и ее классификация из исследования Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (I), 65–100, в которой стратегиями называются приемы/ техники, в основе которых лежат элементарные логические операции preservation, addition, omission, localization, transformation.

4. Статья литовских исследователей, посвященная переводу текстов публицистики: Daugėlaitė, V., Jankauskaitė, A. (2016). *Application of Addition and Omission Translation Strategies in Lithuanian Translation of Subheadings and Captions in National Geographic Articles*, Valoda – 2016: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 26, 59–67. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и ее классификация из исследований Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation: the Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins; Baker, M. (1992). *In Other Words: a Coursebook on Translation*. London–New York: Routledge; Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (I), 65–100.

5. Статья литовской исследовательницы, посвященная переводу текстов публицистики (на немецком языке): Aloševičienė, E. (2009). *Zu den Verfahrensstrategien bei der Übersetzung von Heckenausdrücken*, Valoda – 2009: Valoda dažadu kultūru kontekstā, 19, 77–87. В статье использовано понятие *стратегии перевода* и следующие труды: Albrecht, J. (2005). *Übersetzung und Linguistik*. Tübingen: Narr; Schreiber, M. (1993). *Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung and Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs*. Tübingen: Narr, в которых стратегиями называются приемы/техники, в основе которых лежат элементарные логические операции substitution (word-by-word and synonymic cases of translation), elimination, complementation, neutralization, paraphrasing, antonymic translation, and perspective change.

Таким образом, в трех из пяти научных статей использовалась классификация стратегий перевода (Davies, 2003), поэтому в квази-эксперименте для его участников предлагалась именно она.

РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

Результаты квазиэксперимента отражены на рис. 1 (Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на латышский язык) и на рис. 2 (Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на русский язык).

Рис. 1. Приемы (*стратегии*) перевода названий художественных фильмов на латышский язык

Рис. 2. Приемы (стратегии) перевода названий художественных фильмов на русский язык

Анализ показал, что среди латышских переводных названий 2 раза – один вариант приемов (стратегий), 12 раз – два варианта приемов (стратегий), 8 раз – три варианта приемов (стратегий), 3 раза – четыре варианта приемов (стратегий). Среди русских переводных названий 12 раз – два варианта приемов (стратегий), 10 раз – три варианта приемов (стратегий), три раза – четыре варианта приемов (стратегий). Анализ результатов показывает тенденцию участников квазиэксперимента называть чаще всего именно ту стратегию, которая соответствует классификации стратегий перевода (Davies, 2003). Более детально эту тенденцию можно увидеть в таблице 1. Указанные стратегии перевода названий фильмов на латышский и русский языки.

Таб. 1. Указанные стратегии перевода англоязычных названий фильмов на латышский и русский языки (общее количество, проценты, 15 участников)

Название фильма	Перевод на латышский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»	Перевод на русский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»
The Bodyguard	Miesassargs	13 [86,6%] – Preservation	Телохранитель	13 [86,6%] – Preservation
Sleepless in Seattle	Bezmiēgs Sietlā	10 [66,6%] – Preservation	Неспящие в Сиэтле	9 [60%] – Preservation
Happy Gilmore	Laimīgais Gilmors	12 [80%] – Preservation	Счастливчик Гилмор	10 [66,6%] – Preservation
Kazaam	Burvis Kazams	12 [80%] – Addition	Джинна вызывали?	13 [86,6%] – Transformation
The Center of the world	Pasaules centrs	11 [73,3%] – Preservation	Центр земли	8 [53,3%] – Preservation
One Hour Photo	Bīstamā fotogrāfija	6 [40%] – Transformation	Фото за час	8 [53,3%] – Preservation
Like Mike	Spēlē kā Maikls	11 [73,3%] – Addition	Как Майк	12 [80%] – Preservation
Red Eye	Nakts reiss	8 [53,3%] – Localization	Ночной рейс	9 [60%] – Transformation
Missionary Man	Misionārs	10 [66,6%] – Preservation	Миссионер	10 [66,6%] – Preservation
17 Again	Atkal 17	12 [80%] – Preservation	Папе снова 17	13 [86,6%] – Addition
Faster	Ātrāk	12 [80%] – Preservation	Быстрее пули	14 [93,3%] – Addition
Your Highness	Jūsu Augstība	10 [66,6%] – Preservation	Храбрые перцем	13 [86,6%] – Localization
50/50	50/50	14 [93,3%] – Preservation	Жизнь прекрасна	13 [86,6%] – Localization
Battle Los Angeles	Uzbrukums pasaulei: Kauja Losandželosā	13 [86,6%] – Addition	Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес	12 [80%] – Addition
Jack and Jill	Džeks un Džila	12 [80%] – Preservation	Такие разные близнецы	14 [93,3%] – Transformation
Project X	Projekts X: ballīte bez bremzēm	14 [93,3%] – Preservation	Проект X: Дорвались	14 [93,3%] – Addition
Chronicle	Hronikas veidotāji	15 [100%] – Addition	Хроника	13 [86,6%] – Preservation

Таб. 1. (продолжение)

Название фильма	Перевод на латышский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»	Перевод на русский язык	Наиболее часто указанная «стратегия»
This Is the End	Gals klāt!	9 [60%] – Localization	Конец света 2013: Апокалипсис по-голливудски	12 [80%] – Addition
Captain Phillips	Kapteinis Filipss: Somālijas pirātu gūstā	15 [100%] – Addition	Капитан Филлипс	11 [73,3%] – Preservation
Blue Jasmine	Jasmīnas stāsts	7 [46,6%] – Transfomration	Жасмин	10 [66,6%] – Omission
It Follows	Tas seko Tev	7 [46,6%] – Addition	Оно	7 [46,6%] – Omission
Walk of Shame	Blondīne ēterā	14 [93,3%] – Transfomration	Блондинка в эфире	14 [93,3%] – Transfomration
Bad Education	Sliktā izglītība	12 [80%] – Preservation	Безупречный	12 [80%] – Transfomration
The Rental	Brīvdienų māja	7 [46,6%] – Transfomration	Кто не спрятался	12 [80%] – Transfomration
Ava	Ava	14 [93,3%] – 1 Preservation	Агент Ева	12 [80%] – Addition
Средний процент		76,824%	Средний процент	79,344%

Таким образом, как в переводах названий фильмов на латышский язык, так и в переводах на русский, участники квазиэксперимента указали до 76–79% одинаковых приемов (*стратегий*), что частично подтверждает гипотезу исследования.

Латышские и русские переводы имеют некоторые отличия, в частности, в латышских переводах чаще встречается *стратегия* сохранения, русские же переводы чаще отличаются различного рода адаптациями – адаптациями сюжета и/или жанра, например, перевод названия комедии *Jack and Jill* (Dennis Dugan, 2011) на латышский язык – буквальный (нулевая адаптация) – *Džeks un Džila* (лтш. *Джек и Джилл*), на русский язык название этой комедии переведено как *Такие разные близнецы*, таким образом при помощи оксюморона маркируя жанр фильма; или *The Rental* (Dave Franco, 2020) на латышский язык название переведено как *Brīvdienų māja* (лтш. *Дом выходного дня*), на русский переведено как *Кто не спрятался*, т.е. при помощи зачина известной игры указывается на сюжет художественного фильма. Соответственно, участниками квази-эксперимента в латышских переводах чаще указывалась *стратегия* сохранения (от 73,3% до 93,3%), в русских же переводах наблюдалось большее разнообразие *стратегий* перевода.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что наиболее точно указывались стратегии для лексических процедур, реже – для грамматических, и это объясняется тем, что единицей перевода в наивном переводоведении является слово. Например, перевод названия *Sleepless in Seattle* на латышский передано как *Bezmiēgs Sietlā* (лтш. *Бессонница в Сиэтле*) и 66,6% участников квази-эксперимента указали *стратегию* сохранения (*Preservation*), перевод названия на русский язык – *Неспящие в Сиэтле*, на *стратегию* сохранения (*Preservation*) указали 60%. Меньшее количество участников обратило внимание на изменения в грамматической структуре: как *стратегию* локализации указали трое (20%), как *стратегию* трансформации (*Transformation*) – один участник (6,6%).

Проведенное исследование актуализировало вопрос о методах научных изысканий, об использовании теоретических источников, особенно выбранных для выполнения исследовательской задачи классификаций. Исследование в очередной раз показало, что признаки зомби-науки и наивного метода констатируются в научных статьях, посвященных стратегиям перевода.

Кроме того, использование подобных (Davies, 2003) классификаций не раскрывает полной картины тенденций создания переводов названий художественных фильмов. Итак, упускаются такие важные моменты, как наличие или отсутствие омонимичных названий (соответственно, трансформации могли бы быть связаны с различием двух разных фильмов с одинаковым названием в оригинале для более успешной идентификации конкретного художественного фильма), не констатируются случаи прецедентных переводов (отсылки, цитаты, эксплуатационные названия). Например, перевод названия художественного фильма *It Follows* (David Robert Mitchell, 2014) на русский язык *Оно* эксплуатирует название романа Стивена Кинга (*Оно* в русском переводе) и/или название экранизации 1989 года (*Оно* в русском переводе).

И наконец, еще одно важное заключение. Тот факт, что классификация *стратегий перевода* проста в применении, еще не свидетельствует о наивности метода, однако если анализировать систему аспектов (определение *стратегии перевода*, использование этого понятия в сильных позициях текста, т.е. использование понятия *стратегии перевода* в качестве самопрезентации, отсутствие или необоснование метода исследования) вместе с анализом результатов псевдоэксперимента, то это дает основание называть метод наивным.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Милевич, И. (2020b). *Стратегия перевода: средство самопрезентации автора научной публикации?* Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica, 19, 103–111. <https://doi.org/10.18778/1731-8025.19.09>
- Милевич, И. (2021). *Исследования стратегии перевода: к проблеме метода исследования*, Мова: Науково-теретический часопис з мовознавства, 35, 221–224. <https://doi.org/10.18524/2307-4558.2021.35.237788>

- Albury, N.J. (2014). *Introducing the Folk Linguistics of Language Policy*, International Journal of Language Studies, 8 (3), 85–106.
- Albury, N.J. (2017). *The Power of Folk Linguistic Knowledge in Language Policy*, Language Policy, 16 (2), 209–228. <https://doi.org/10.1007/s10993-016-9404-4>
- Barbe, K. (1996). *The Dichotomy Free and Literal Translation*, Meta, XLI, 3, 328–337. <https://doi.org/10.7202/001968ar>
- Chesterman, A. (2011). *Reflections on the Literal Translation Hypothesis*. In: *Methods and Strategies of Process Research: Integrative Approaches in Translation Studies* (23–35), C. Alvstad, A. Hild, E. Tiselius. (ed.). Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/btl.94.05che>
- Česterments, E. (2019). *Tulkošanas mēmi: Ideju izplatīšanās tulkošanas teorijā*. Rīga: Latvijas Universitāte.
- Davies, E.E. (2003). *A Goblin or a Dirty Nose?*, The Translator: Studies in Intercultural Communication, 9 (1), 65–100. <https://doi.org/10.1080/13556509.2003.10799146>
- Gambier, Y. (2010). *Translation Strategies and Tactics*, Handbook of Translation Studies, 1, 412–418. <https://doi.org/10.1075/hts.1.tra7>
- Heyd, T. (2014). *Folk-Linguistic Landscapes: The Visual Semiotics of Digital Enregisterment*, Language in Society, 43 (5), 489–514. <https://doi.org/10.1017/S0047404514000530>
- Hoeningwald, H. (1985). *A Proposal for the Study of Folk-Linguistics*, Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference 1964, 16–26. <https://doi.org/10.1515/9783110856507-004>
- Jääskeläinen, R. (2010). *Looking for a Working Definition of “Translation Strategies”*, Copenhagen Studies in Language, 1, 375–387.
- Khudaybergenova, Z. (2021). *About the Concept of “Translation Strategies” in the Translation Studies*, Journal of Contemporary Issues in Business and Government, 27, 1, 1369–1385.
- Mārtinsons, K., Pipere, A. (red.). (2011). *Ievads pētniecībā: stratēģijas, dizaini, metodes*. Rīga: RaKa.
- Milevica, I. (2020a). *On Non-existent of Audiovisual Translation Studies in Latvia (According to Material of Scientific Paper Collection)*. *Modernization of Teaching Profession: Approaches, Best Practices, Challenges*, Scientific Journal of the Modern Education & Research Institute, 12, 23–26.
- Milevica, I. (2024). *Is Scientific Articles about Translation Strategies Zombie Articles?* Manuscript.
- Milevich, I. (2020b). *Strategiya perevoda: sredstvo samoprezentatsii avtora nauchnoi publikatsii?* Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica, 19, 103–111.
- Milevich, I. (2021). *Issledovaniya strategii perevoda: k probleme metoda issledovaniya*, Mova: Naukovo-tereticheskii chasopis z movaznavstva, 35, 221–224.
- Niedzielsky, N.A., Preston, D.R. (2000). *Folk Linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110803389>
- Owji, Z. (2013). *Translation Strategies*. Translation Journal, 17 (1), <https://translationjournal.net/journal/63theory.htm>, accessed: 03.12.2024.
- Pasquale, M.D., Preston, D.R. (2013). *The Folk Linguistics of Language Teaching and Learning*. In: *Psycholinguistic and Sociolinguistic Perspectives on Second Language Learning and Teaching: Studies in Honor of Waldemar Marton* (163–174), K. Drozdziel-Szelest, M. Pawlak (ed.). Berlin–Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-23547-4_10
- Paveau, M.A. (2011). *Do Non-Linguists Practice Linguistics?: An Anti-Eliminative Approach to Folk Theories*, AILA Review, 24 (1), 40–54. <https://doi.org/10.1075/aila.24.03pav>
- Preston, D.R. (1993). *The Uses of Folk Linguistics*, International Journal of Applied Linguistics, 3 (2), 181–259. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.1993.tb00049.x>

Sandoval, M. (2014). *Do We Still Call It “Literal” vs. “Free” Translation? Are These Notions as Important These Days as They Were in the Past?*, <https://msandoval.wordpress.com/2014/01/30/do-we-still-call-it-literal-vs-free-translation-are-these-notions-as-important-these-days-as-they-were-in-the-past-2/>, accessed: 12.02.2024.

Sun, S. (2013). *Strategies of Translation*. In: *The Encyclopedia of Applied Linguistics* (5408–5412), Vol. 9.

Приложение 1. Названия художественных фильмов (режиссеры, годы выпуска), перевод на латышский (с переводом на русский) и русский языки

Название фильма (режиссер, год выпуска)	Перевод на латышский язык (с переводом на русский)	Перевод на русский язык
1. The Bodyguard (Mick Jackson, 1992)	Miesassargs (Телохранитель)	Телохранитель
2. Sleepless in Seattle (Nora Ephron, 1993)	Bezmiegs Sietlā (Бессонница в Сиэтле)	Неспящие в Сиэтле
3. Happy Gilmore (Dennis Dugan, 1996)	Laimīgais Gilmors (Счастливый Гилмор)	Счастливчик Гилмор
4. Kazaam (Paul Michael Glaser, 1996)	Burvis Kazams (Волшебник Казам)	Джинна вызывали?
5. The Center of the World (Wayne Wang, 2001)	Pasaules centrs (Центр земли)	Центр земли
6. One Hour Photo (Mark Romanek, 2002)	Bīstamā fotogrāfija (Опасная фотография)	Фото за час
7. Like Mike (John Schultz, 2002)	Spēlē kā Maikls (Играй как Майкл)	Как Майк
8. Red Eye (Wes Craven, 2005)	Nakts reiss (Ночной рейс)	Ночной рейс
9. Missionary Man (Dolph Lundgren, 2007)	Misionārs (Миссионер)	Миссионер
10. 17 Again (Burr Steers, 2009)	Atkal 17 (Снова 17)	Папе снова 17
11. Faster (George Tillman Jr., 2010)	Ātrāk (Быстрее)	Быстрее пули
12. Your Highness (David Gordon Green, 2011)	Jūsu Augstība (Выше Высочество)	Храбрые перцем
13. 50/50 (Jonathan Levine, 2011)	50/50	Жизнь прекрасна
14. Battle Los Angeles (Jonathan Liebesman, 2011)	Uzbrukums pasaulei: Kauja Losandželosā (Нападение на мир: Битва в Лос-Анджелесе)	Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес
15. Jack and Jill (Dennis Dugan, 2011)	Džeks un Džila (Джек и Джилл)	Такие разные близнецы
16. Project X (Nima Nourizadeh, 2012)	Projekts X: ballīte bez bremzēm (Проект X: вечеринка без тормозов)	Проект X: Дорвались

Приложение 1. (продолжение)

Название фильма (режиссер, год выпуска)	Перевод на латышский язык (с переводом на русский)	Перевод на русский язык
17. Chronicle (Josh Trank, 2012)	Hronikas veidotāji (Создатели хроники)	Хроника
18. This Is the End (Evan Goldberg, Seth Rogen, 2013)	Gals klāt! (Конец настал!)	Конец света 2013: Апокалипсис по-голливудски
19. Captain Phillips (Paul Greengrass, 2013)	Kapteinis Filipss: Somālijas pirātu gūstā (Капитан Филлипс: в плену сомалийских пиратов)	Капитан Филлипс
20. Blue Jasmine (Woody Allen, 2013)	Jasmīnas stāsts (Рассказ Жасмин)	Жасмин
21. It Follows (David Robert Mitchell, 2014)	Tas seko Tev (Оно следует за тобой)	Оно
22. Walk of Shame (Steven Brill, 2014)	Blondīne ēterā (Блондинка в эфире)	Блондинка в эфире
23. Bad Education (Cory Finley, 2019)	Sliktā izglītība (Плохое поведение)	Безупречный
24. The Rental (Dave Franco, 2020)	Brīvdienų māja (Дом выходного дня)	Кто не спрятался
25. Ava (Tate Taylor, 2020)	Ava (Ава)	Агент Ева